

Архимандрит Андрей

**О любви Божией на
Страшном Суде Христовом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А87

А87 **Архимандрит Андрей**
О любви Божией на Страшном Суде Христовом / Архимандрит Андрей – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 42 с.

ISBN 978-5-458-13923-6

Издание Казанское общества трезвости.

ISBN 978-5-458-13923-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отъ своихъ послѣдователей христіанская религія, такъ какъ только любящій Бога можетъ прославлять Его и блаженствовать въ этомъ славословіи. Объ этой цѣли земной жизни человѣка: научиться любить и хвалить Господа, св. Григорій Нисскій говоритъ такъ: „Цѣль сотвореннаго та, чтобы во всей твари духовнымъ естествомъ прославляема была всего превышая Сила, когда небесное и земное однимъ и тѣмъ-же дѣйствованиемъ,—разумію обращеніе взора къ Богу,—соединяется между собою въ одной и той-же цѣли. Это дѣйствование,—обращеніе взора къ небу,—не иное что есть, какъ жизнь, свойственная и сообразная духовному естеству. Ибо какъ тѣла, будучи земными, поддерживаются земными снѣдами, и въ нихъ примѣчаемъ нѣкоторый родъ жизни тѣлесной, одинаково совершающейся въ безсловесныхъ и словесныхъ: такъ надлежитъ предположить, что есть и такая умомъ постигаемая жизнь, которою естество соблюдается въ существованіи. Если плотская пища, будучи чѣмъ то притекающимъ и утекающимъ, самымъ прохожденіемъ своимъ влагаетъ нѣкоторую жизненную силу въ тѣхъ, въ которыхъ она бываетъ, то приобщеніе истинно сущаго, всегда пребывающаго и вѣчно неизмѣняющагося, не гораздо-ли паче сохраняетъ въ бытіи приобщающагося? Посему, если свойственная и приличная духовному естеству та жизнь, чтобы быть причастнымъ Богу, то не произойдетъ приобщенія между противоположными, если желающее приобщенія не будетъ нѣкоторымъ образомъ сродно съ тѣмъ, чего приобщается. Ибо какъ глазъ услаждается свѣтомъ, потому что въ себѣ самомъ имѣетъ естественный свѣтъ для воспріятія однороднаго съ нимъ, и... никакой другой изъ членовъ тѣла не производитъ зрѣнія, потому что ни въ какомъ другомъ членѣ не заготовлено природнаго свѣта: такъ, чтобы содѣлаться причастникомъ Божиимъ, совершенно необходимо въ естествѣ приобщающагося быть чему-либо сродному съ тѣмъ, чего онъ приобщается. Истинная жизнь души производится приобщеніемъ добраго, а при незнаніи, препятствующемъ богопознанію, душа, не будучи причастницею Божіею, лишается жизни (Т. 4, с. 340)“. Далѣе, „поелику Писаніе говоритъ, что *причастіе Бога есть жизнь души*, а причащеніе, по мѣрѣ вмѣстительности, есть вѣдѣніе, невѣдѣніе же не есть осуществленіе чего-либо, а, напротивъ, отзятіе дѣятельности вѣдѣнія, и какъ скоро не стало совершаться причастіе Бога, необходимо послѣдовало отчужденіе отъ жизни,—это-же было крайнимъ изъ золъ,—то вслѣдствіе сего Творецъ всякаго блага производитъ въ насъ врачеваніе отъ зла (ибо врачеваніе есть благо)... Посему, какъ, по доказанному, худо быть отчужденнымъ отъ Бога, Который есть жизнь: то въ врачеваніямъ отъ такого недуга служить усвоеніе Богу и вступленіе снова въ жизнь. И какъ жизнь сія естеству человѣ-

честному принадлежит въ упованіи, то *нельзя* въ собственномъ смыслѣ сказать, что *воздаяніемъ за прежнія добрыя дѣла* бываетъ причастіе жизни и обратно *наказаніемъ за худыя*. Напротивъ того, утверждаемое подобно сказанному въ примѣрѣ о глазахъ. Ибо не говоримъ, что какою-либо наградою и отличіемъ имѣющему чистое зрѣніе служитъ пониманіе видимаго, или наоборотъ, больному глазами—наказаніемъ и карательнымъ послѣдствіемъ то, что лишень оя зрительной дѣятельности. Напротивъ того, какъ тому, у кого расположено все естественно, необходимо слѣдуетъ видѣть, а кто болѣзнію выведенъ изъ естественнаго положенія, у того зрѣнію оставаться бездѣйственнымъ; такъ подобно сему, и *блаженная жизнь сродна и свойственна имѣющимъ чистыя чувствилища души*, а у кого болѣзнь невѣдѣнія, подобно какому-то гною служитъ препятствіемъ къ приобщенію истиннаго свѣта, для того *необходимымъ послѣдствіемъ бываетъ не имѣть части въ томъ, приобщеніе чего называемъ жизнью для приобщающагося*. (Тамъ же, с. 343). Итакъ блаженство человѣка можетъ начатъ ся на землѣ, если человѣкъ содѣлаетъ „чувствилища души“ настолько чистыми, чтобы они сродны были чистой жизни всеблажнаго Божества. Это же состояніе души, во время земной жизни возлюбившей Господа и забывшей временную земную жизнь, очевидно должно сохраниться и при переходѣ ея въ жизнь загробную, которая будетъ полнымъ и всестороннимъ проявленіемъ ея, такъ сказать, неземной жизни на землѣ. Приказать же блаженствовать, дать насильственное блаженство невозможно,—это значить прибавить человѣку лишнее мученіе. Блаженство заключается въ духовномъ настроеніи, свободномъ и свободно развивающимся; оно состоитъ въ любви человѣка къ Богу и свободномъ стремленіи къ Нему, въ уподобленіи любящей души человѣческой всеблаженной любви Божественной.

Постараемся доказать теперь, что и мученія грѣшниковъ вовсе не являются для нихъ слѣдствіемъ чьего-либо посторонняго воздѣйствія на нихъ, а оказываются только состояніемъ ихъ собственной души. Итакъ, наша задача доказать, что *послѣдній судъ, какъ судъ разумно-свободной твари, есть самоосужденіе ея*, и что эта мысль заключается и въ Апокалипсисѣ и вообще въ св. Писаніи.

Вся исторія міра есть по своему содержанію исторія промышленія Божія о преуспѣяніи добра надъ зломъ въ родѣ человѣческомъ. Но если-бы это послѣднее не появилось среди людей, какъ и вообще среди твари Божіей, то святая воля Божія и была бы общимъ для всѣхъ закономъ и всегда и во всѣхъ и неизмѣнно былъ бы Богъ (1 Кор. 15, 28). Это-то состояніе тварной природы, соотвѣтствующее Божіему о ней предопредѣленію, составляетъ предметъ ожиданія лучшихъ ея представителей и предметъ ужаса для грѣшныхъ ея сыновъ. Первые съ

любовію, непрестанно стремятся къ Богу и исполненію Его святой воли, а для вторыхъ законы этой воли являются источникомъ мученій и страданій. И Господь для праведниковъ представляется любящимъ Отцомъ, и они стремятся въ объятія Отчи, для грѣшниковъ же Господь кажется только карающимъ и отмщающимъ всемогущимъ Вседержителемъ. Но эти представленія твари о Творцѣ и ея отношеніи къ Богу не имѣютъ, конечно, значенія при сужденіи о дѣйствительномъ бытіи Создателя и о Его св. волѣ, которая безусловна, не подвержена измѣненію и непостижима для человѣческихъ силъ. Итакъ, значить то, что называется судомъ (и страшнымъ), есть лишь полное явленіе и приближеніе Бога къ твари?—Да! св. Григорій Великій съ полною философскою опредѣленностію рассуждаетъ объ этомъ такъ: „что называется днемъ Божиимъ, какъ не самая Его вѣчность? съ другой стороны, и вѣчность иногда обозначается въ св. Писаніи чрезъ одинъ день, какъ и написано: *одинъ день въ дворахъ Твоихъ лучше тысячи* (Пс. 83, 11)... Мы возвращаемся во времени вслѣдствіе своей тварности; Богъ-же, какъ Творецъ всего, содержитъ въ своей вѣчности и наши времена... Но достойно удивленія, почему въ св. Писаніи (Іовъ) находимъ слова: *знающіе Его не видятъ дней Его* (Іов. 24,1). Вѣдь Самъ Онъ не есть нѣчто иное, чѣмъ день Его, потому что Богъ есть то, что Онъ имѣетъ; Онъ имѣетъ вѣчность, но и Самъ есть вѣчность, имѣетъ свѣтъ, любовь,— и Самъ есть свѣтъ и любовь... Поэтому сказать: *знающіе Его не видятъ дней Его*, не значить ли сказать, что знающіе Его, въ то же время, и не знаютъ Его? Дѣйствительно, и вѣрующіе въ Него, не имѣютъ (собственно говоря) о Немъ понятія; Онъ есть вѣчность, во что мы непреложно вѣруемъ, не зная, однако, какова эта Его вѣчность. Относительно того, что мы слышимъ о могуществѣ Божества, мы обыкновенно составляемъ понятіе по тому, что знаемъ изъ опыта; поэтому все, что начинается и оканчивается, естественно имѣетъ начало и конецъ; если-же до окончанія есть нѣкоторый еще промежутокъ, то начинаютъ говорить уже о времени; и, очевидно, вслѣдствіе въ этомъ промежуткѣ (между началомъ и концомъ) бросаетъ взглядъ назадъ, благодаря памяти, и стремится впередъ съ ожиданіемъ, какъ будто напрягая свой умственный взоръ чрезъ промежутокъ времени. Поэтому, когда кто-либо слышитъ о вѣчности Бога, то, по человѣческому умпредставленію, предполагаетъ даже годы жизни, по которымъ онъ и высчитываетъ, что было ранѣе, такъ какъ оно заключается въ памяти, и что будетъ впереди, такъ какъ это составляетъ предметъ ожиданія. Но насколько все это мы относимъ къ вѣчности, настолько и не понимаемъ ея; дѣйствительно, гдѣ ничто не имѣетъ ни на-

чала, ни конца, тамъ нѣтъ ни ожиданія будущаго, ни уничтоженія того, что обыкновенно дѣлается достояніемъ памяти, но есть то, что существуетъ всегда" (Толков. на Іов. 24, 1). „Страшный день Господень, пишетъ и св. Симеонъ, новый Богословъ, называется днемъ Господнимъ не потому, что есть послѣдній день дней сихъ, и не потому, что въ него имѣеть прійти Господь, какъ говоримъ мы о дняхъ настоящаго времени: день Пасхи, день Пятидесятницы... И днемъ суда онъ называется не потому, что въ него имѣеть быть судъ. Не будетъ тогда такъ, чтобы инымъ чѣмъ-то былъ день тотъ и инымъ Тотъ, Кто имѣеть прійти въ него. Но Владыка и Богъ всяческихъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, имѣеть возсіять тогда сіяніемъ Божества и блистаніемъ владычнимъ закроется это чувственное солнце, такъ что его совсѣмъ не будетъ видно, померкнутъ звѣзды, и все видимое свѣтеса какъ свитокъ, т. е. отстранится, давая мѣсто Творцу Своему. И будетъ одинъ Онъ—и день вмѣстѣ и Богъ (Слово 57, 1)“.—Итакъ, человѣческія, чувственныя, т. е. вообще ограниченныя пространствомъ и временемъ представленія, переносимыя и въ представленіи о вѣчности, даютъ поводъ смотрѣть на день пришествія Христова, и какъ на день, т. е. опредѣленный промежутокъ или количество времени, и какъ на окончаніе міровой исторіи, тогда какъ это будетъ лишь продолженіемъ вѣчныхъ откровеній Божества о самомъ Себѣ, вѣчнымъ непремѣнно дѣйствующимъ въ мірѣ откровеніемъ закона правды Божіей, неизмѣнной любви Божіей къ твари,—однимъ словомъ это будетъ явленіе Самого Бога.—Цѣль нравственнаго совершенства человѣка и заключается въ томъ, чтобы онъ по возможности жилъ въ вѣчности (значить, жилъ для Бога), отрѣшился-бы отъ представленія о времени, помня о душѣ своей, живущей уже въ вѣчности, отрѣшился бы отъ пространственнаго бытія, *вмѣняя все озъ уметь*, т. е. за этою видимостію міра видѣлъ бы вѣчную руку Божію, все держащую въ себѣ. Для достигшихъ таковаго представленія о мірѣ и воспитавшихъ свою душу въ этомъ направленіи переходъ отъ тѣлеснаго существованія къ духовному естественно и будетъ представляться лишь простымъ продолженіемъ ихъ настоящей жизни, и день пришествія Божія будетъ представляться для нихъ такъ, какъ объ этомъ и пишутъ свв. Григорій и Симеонъ.

Итакъ, при представленіи Страшнаго Суда нужно отрѣшиться отъ всякихъ условныхъ представленій, ибо этотъ судъ есть откровеніе безусловнаго существованія Божія, Его всесовершенной любви.

Когда же явится эта вождельнная для святыхъ любовь, то Христосъ позаботится о вѣрныхъ сынахъ Своихъ, они изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ, и народовъ и языковъ будутъ блаженствовать предъ Агнцемъ (Апок. 7, 9), Который отретъ всякую слезу отъ

очей ихъ (—7, 17), и не будетъ уже смерти, ни плача, ни болѣзни, ни вопля уже не будетъ (—21, 4).

Какимъ-же образомъ, при такомъ отношеніи Христа къ избраннымъ Его (которыми могутъ сдѣлаться всѣ люди) окажется возможнымъ отвергнуть Христову божественную любовь и подвергнуться страданію, какъ слѣдствію самопроизвольнаго отреченія отъ нея, отреченія отъ этой вѣчной любви и вѣчнаго блаженства?

Какъ сейчасъ мы сказали, вхожденіе или вѣрнѣе введеніе себя челоувѣкомъ въ вѣчность начинается во время его земной жизни, когда онъ смотритъ на свое земное существованіе, какъ на нѣкоторый ничтожный моментъ, данный ему для подготовленія себя къ вѣчности, такъ сказать, мигъ вѣчности; отсюда слѣдуетъ, что и тотъ судъ, который вполнѣ и очевидно отдѣлитъ добро и зло, начинается и имѣетъ основаніе для этого дѣленія въ земной жизни челоувѣка. Этимъ и объясняются слова Спасителя о всеобщемъ судѣ, что судъ начался съ того момента, когда свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ злы (Іо. 3, 19). Вотъ въ этомъ и заключается вся сущность суда Божія надъ людьми; злая воля челоувѣка сама въ себѣ носить осужденіе Божіе, поскольку сама противится Богу, т. е. ненавидитъ истину, свѣтъ и терзается въ этой своей безсильной неудовлетворимой ненависти и злобѣ. Въ ея страданіяхъ, какъ и во грѣхѣхъ, ихъ произведемъ, совершенно неповиненъ Богъ, дарующій всѣмъ только одно блаженство чрезъ Иисуса Христа. *„Не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него. Върующій чрезъ Него не судится, а не върующій уже осужденъ“* (—17, 18); далѣе Христосъ говоритъ: *„отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ имѣетъ судію себѣ: слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день“* (Іо. 12, 48). „Чтобы іудеи не сдѣлались нераднѣе, узнавъ, что если върующій подучаетъ спасеніе, за то и не върующій не подвергается наказанію,—смотри какъ Христосъ поставляетъ имъ на видъ и страшный судъ, присовокупляя слова: „отметающійся Мене имать судящаго ему“ Но если Отецъ не судитъ никому-же, и Христосъ говоритъ: „аще кто Мене не слушаетъ, Азъ не сужду ему“, такъ кто же его будетъ судить? „Слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день“. Такъ какъ они говорили, будто Онъ не отъ Бога, то Онъ и связалъ такъ, показывая, что для нихъ тогда не будетъ возможности говорить это, но слова, которыя Я изрекъ нынѣ, предстанутъ вмѣсто обвиненія, будутъ обличать ихъ, и отнимутъ у нихъ всякое оправданіе... А словами: *Азъ не сужду*, показываетъ Онъ, что нисколько не виновенъ въ ихъ погибели. Этимъ Христосъ какъ бы такъ свидѣтельствуемъ, намѣреваясь оставить ихъ и боль-

ше не обращаться къ нимъ: „бесѣдуя съ вами, Я ничего собственно не говорилъ отъ Себя, но все отъ Отца“... Поэтому же Христосъ говоритъ:..., Азъ свѣтъ въ міръ придохъ“. Такъ какъ Отецъ вездѣ называется свѣтомъ, и въ Вѣтхомъ и въ Новомъ завѣтѣ, то и Онъ прилагаетъ къ себѣ это названіе... Здѣсь Онъ показываетъ свое великое родство съ Отцомъ и не полагаетъ между Нимъ и Собою никакого различія, потому что вѣра въ Него не къ Нему относится, а переходитъ къ Отцу“ (Св. Іоанна Злат. толков. на Ев. Іоан., бес. 69). Итакъ, человѣка осуждаетъ сама истина, и чѣмъ ожесточеннѣе противленіе ей, тѣмъ сильнѣе внутреннія страданія противляющагся; это и есть его „осужденіе“. Въ этомъ смыслѣ и сказалъ Господь, что самое появленіе Его въ мірѣ уже осудило послѣдній, что не видящіе истины, но ищущіе ее увидѣли, нашли предметъ своихъ чаяній, а видящіе стали слѣпы, т. е. именующіе себя премудрыми и разумными по гордости своей отклонили истину, закрыли отъ нея свои глаза (Іо. 9, 39). Итакъ, Христосъ судитъ міръ, поскольку Онъ вѣшалъ истину, и поскольку люди возненавидѣли слово истины, а величайшее для міра осужденіе то, что онъ видѣлъ истину и возненавидѣлъ и ее, и ея великаго Провозвѣстника (Іо. 15, 24). Такъ какъ Христосъ человѣку, плѣвнику грѣха, возвратилъ свободу, уничтожилъ власть діавола надъ человѣкомъ и далъ ему равновѣсіе въ его душевной жизни, въ чемъ и состояло, такъ называемое, возвращеніе человѣка въ первобытное состояніе, то очевидно, что послѣ этого зло и всякій грѣхъ стали уже произвольнымъ слѣдствіемъ исключительно его злой воли и въ томъ смыслѣ пересталъ имѣть какое-либо извиненіе: *если бы Я, говоритъ Господь, не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха; а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхъ своемъ* (Іо. 15, 22). Это освобожденіе человѣка І. Христомъ отъ власти діавола, это сокрушеніе державы діавола усилило степень самоосужденія человѣка и страданіе его совѣсти, такъ какъ человѣкъ сталъ вполне огвѣтственнымъ за свои дѣйствія. „Посредствомъ грѣха и страстей бѣсы лѣзутъ къ душѣ, и она, пока во грѣхѣ, бываетъ ослѣплена ими и является какъ бы одѣтою въ нихъ. Вотъ такую одежду, изъ бѣсовъ спитую, и снялъ Господь съ естества нашего. Какъ? Уже тѣмъ самымъ, что подсвѣченъ грѣхъ, живущій въ насъ, и дарована намъ новая жизнь, отняты отъ бѣсовъ точки соприкосновенія съ нами“ (Еп. Теофана, толк. на Кол. 2, 15).

Въ этомъ-то и состоитъ собственно сошествіе Христа во адъ,— „обожественная душа (Христа) нисходитъ во адъ (1 Пет. 3, 19) для того, чтобы подобно тому, какъ для находившихся на землѣ возсіяло солнце правды, такимъ же образомъ для находившихся подъ землею во тьмѣ и сѣни смертнѣй возсіялъ свѣтъ; для того, чтобы подобно

тому, какъ находящимся на землѣ Господь проповѣдалъ миръ, плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе и для увѣровавшихъ сдѣлался Виновникомъ вѣчнаго спасенія, а для невѣрующихъ обличителемъ невѣрія; такимъ же образомъ проповѣдалъ и находившимся въ адѣ: *да о имени Иисусовъ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10). И такимъ образомъ, разрѣшивъ тѣхъ, которые отъ бѣсовъ были связаны, Онъ возвратилъ назадъ отъ смерти къ жизни, прожививъ для насъ путь къ воскресенію“. (Точн. излож. правосл. вѣры, кн. 3, 29). Изъ этого слѣдуетъ, что цѣлью сошествія во адъ Христа было проповѣданіе истины, свѣта и, въ этомъ смыслѣ, освобожденіе узниковъ грѣха и возвѣщеніе имъ спасенія, воскресенія. На этомъ основаніи святые отцы Церкви постоянно учили, что Христосъ былъ истинный человѣкъ и умиралъ дѣйствительною смертью, чтобы быть примѣромъ жизни для обыкновенныхъ людей, и что Онъ Своєю *человѣческою* душою сходилъ во адъ, чтобы быть первенцемъ изъ умершихъ (1 Петр. 2, 21—25: 1 кор. 15, 20). Это значитъ, что „въ воскресеніи Христовомъ положено начало и основаніе воскресенію всѣхъ, что сила его такъ велика, что изъ него изыдетъ жизнь для всѣхъ, или что воскресеніе сіе есть уже въ возможности воскресеніе всѣхъ“ (Еп. Теофана, толк. на 1 кор. 15, 20). Но если принять во вниманіе, что люди и до пришествія на землю Спасителя подготовлялись Господомъ къ принятію Бога—Слова постепеннымъ открытіемъ имъ истины, которую имъ исполнѣ открылъ Христосъ, то, очевидно, люди и до явленія Христа на землѣ осудили себя, такъ какъ для всякаго человѣка была отерываема истина, насколько онъ въ состояніи былъ ее принять. Это знаніе человѣкомъ истины, хотя и не полное, это постепенное ея раскрытіе, начавшееся съ самаго первоангелія, это постепенное явленіе міру Христа не какъ историческаго явленія, а какъ идеи, какъ нравственнаго обновленія грѣшной души чрезъ знаніе истины, и осуждало человѣчество. Грѣхъ, очевидно, и тогда являлся прямымъ противленіемъ истинѣ,—дѣлалъ человѣка исполнѣ повиннымъ предъ нею и предъ Христомъ, Который и тогда открывалъ Себя человѣку, сходилъ какъ бы въ адъ грѣшной совѣсти человѣческой, очищая ее. Въ этомъ и видить сошествіе во адъ св. Ириней Лионскій, рассуждающій по этому поводу слѣдующимъ образомъ: Господь нисшелъ въ преисподняя земли, благовѣствуя и здѣсь о Своемъ пришествіи и объявляя отпущеніе грѣховъ вѣрующимъ въ Него. *Впровади-же въ него всѣ, уповавшіе на Него; т. е. предвозвѣщавшіе Его пришествіе и служившіе Ему распорядженіямъ праведники, пророки, патриархи, которымъ такъ же, какъ намъ, отпустилъ грѣхи... Всѣ лишены славы Божіей* (Рим. 2, 23); *оправдываются-же не*

сами собою, но пришествіемъ Господа тѣхъ, которые стремятся къ Его свѣту. И для нашего наставленія описаны дѣйствія тѣхъ древнихъ людей, дабы мы знали, что одинъ Богъ нашъ и ихъ, и Ему не угодны грѣхи (противъ ересей, кн. 4: 27)⁴. Такимъ образомъ, нисшествіе Христа во адъ есть вообще подготовленіе челоѡчества къ истинѣ и откровеніе ему истины, вызвавшей челоѡка къ свѣту; челоѡкъ обреченъ послѣ грѣхопаденія лишь на заслуженную имъ самимъ конечную гибель; но вотъ Христосъ сейчасъ-же, послѣ этого страшнаго паденія, начинаетъ открывать Себя міру, обѣщаетъ челоѡку спасеніе, является въ обѣтованіи и приготовляетъ челоѡка къ богоуподобленію; такимъ образомъ, съ самаго грѣхопаденія Богъ—Слово является путеводителемъ челоѡка на небо и центромъ міровой исторіи. Но что же тогда адъ? Очевидно, преисподняя—адъ, а слѣдовательно и рай суть понятія образныя и не могутъ дать какого-либо пространственнаго представленія; равно и побѣда Христа надъ адомъ есть образное выраженіе освобожденія души челоѡка отъ смерти, грѣха, дарованіе ей полной свободы и возможности спасенія. Отсюда слѣдуетъ, что адъ есть собственно владычество діавола. Подъ этимъ владычествомъ діавола и грѣха находится всякій потомокъ Адама, для уничтоженія же этого владычества, т. е. для освобожденія всякаго челоѡка изъ этого ада и пришелъ Христосъ, каждой душѣ челоѡка провозвѣстивъ истину. Объ этомъ св. Макарій—такъ пишетъ: „когда слышишь, что Господь въ оное время избавилъ души изъ ада и тьмы, что сходилъ Онъ во адъ и совершилъ славное дѣло, —не думай, что все это далеко отъ души твоей. Челоѡкъ удобно вмѣщаетъ и пріемлетъ въ себя лукавое, потому что смерть обдержитъ души Адама и душевные помыслы заключены во тьму. И когда слышишь о гробахъ, представляй мысленно не только видимые гробы, потому что гробъ и могила для тебя сердце твое. Когда глѣздается тамъ князь лукавства и ангелы его, когда пролагаютъ тамъ стези и пути, тогда не адъ-ли, не гробъ-ли, не могила ли, не мертвецъ-ли ты предъ Богомъ? Посему Господь приходитъ въ души, Его взыскавшія, во глубину сердечнаго ада... и сокрушаетъ Онъ тяжелые камни на душѣ, отверзаетъ гробы, воскрешаетъ истиннаго мертвеца, изводитъ заключенную душу изъ мрачной темницы“ (Бесѣда II, 11).

Эта свобода челоѡка отъ власти діавола и освобожденіе отъ грѣха и ада еще со времени обѣтованія Спасителя Адаму и дѣлаютъ его совершенно безотвѣтнымъ предъ нравственнымъ закономъ и его Творцомъ; насколько Христосъ открылъ челоѡку истину, насколько эта истина сдѣлала челоѡка свободнымъ и указала ему доступъ на небо, настолько это знаніе истины служить къ осужденію челоѡка при произвольномъ, свободномъ противленіи

ей; тотъ грѣхъ, который долженъ бы быть *по природѣ* естественнымъ и неизбежнымъ для человѣка, теперь сталъ для него дѣломъ его *свободной воли*; всѣ дѣти Адама не столько *по природѣ* своей суть чада гнѣва (Еф. 2, 3), т. е. подвержены ненависти Божіей, сколько *по произволению* (Рим. 2, 8) они заслуживаютъ свои страданія, являющіяся слѣдствіемъ ихъ отреченій отъ источника жизни. „Истина Божія, призывающая насъ къ вѣрѣ и добродѣтели, удерживаетъ порывы нашего суемудрія и нашихъ порочныхъ желаній. Кто стоитъ въ истинѣ, любитъ ее вседушно, тотъ противится самъ порывамъ, а кто имъ поддакъ и пошелъ вслѣдъ ихъ, тотъ противится истинѣ, вырывается изъ рукъ ея, говоритъ ей: стойди, путей твоихъ вѣдать не хочу... Истина означать можетъ всякую истину,—и ту, которою опредѣляется вѣра, и ту, которою заповѣдуются добрая жизнь;... и правда тоже означать всякую правду,—и ту, которая требуется отъ ума, и ту, которая требуется отъ сердца... Когда говоритъ апостолъ: противляются истинѣ, даетъ разумѣть, что они (люди) знаютъ истину, какъ истину, и сознательно противляются ей. И когда говоритъ: повинуются неправдѣ, даетъ разумѣть, что они знаютъ неправду, какъ неправду, и сознательно повинуются ей. (Епископъ Теофанъ, толк. на Рим. 2, 8)“. Такихъ людей св. Писаніе и называетъ сынами противленія (Еф. 5, 6; Гал. 3, 6), „Это сыны непокоривые, сыны не убѣжденности, такіе люди, которыхъ ничѣмъ не убѣдишь, что ни говори,—не повѣрятъ Самому Богу, не вѣрятъ и противятся—упорные невѣры. Таковы были жившіе при Ноѣ. Сколько онъ твердилъ отъ лица Божія, чтобы покаялись? Не послушали (Толков. Еф. 5, 6). „Нѣтъ въ нихъ истины, и не пріемлется ими истина, не вмѣщается въ нихъ. не находя ничего себѣ сроднаго въ нихъ. Истина Божія ходитъ по землѣ и имѣетъ вѣрныя о себѣ свидѣтельства. Желаящій искренно всегда найдеть ее. Если есть ненаходящіе, то потому, что не ищутъ; а не ищутъ потому, что не суть отъ истины. Но въ этомъ нѣтъ ничего рокового: все есть дѣло свободнаго произволенія (Толков. на Кол. 3, 6)“. На основаніи этого мы можемъ признать за непереложную истину мнѣніе св. Златоуста, что *грѣха собственно нѣтъ ни одного, который простеталъ бы изъ необходимости, но все они зависятъ отъ испорченной воли* (Толк. на Еф. 1, 14). Эту мысль прекрасно развиваетъ Тертуліанъ слѣдующимъ образомъ: какъ Богъ есть верховное благо, пишетъ онъ, то очевидно, что одно только зло можетъ быть ему неблагопріятно, такъ какъ оно имѣетъ противоположную ему натуру... И изъ того, что тѣло и духъ суть два различныя существа, не слѣдуетъ заключать, чтобы грѣхи плотскіе и духовные отличались въ сущности. Не должно разыскивать, какой грѣхъ тяжелѣе или легче,—плотской или духовный. Плоть и духъ равно принадлежатъ Господу; тотъ и другой,

когда грѣшати, равно оскорбляютъ Бога. Для чего отличать грѣхъ по плоти отъ грѣха по духу, тогда какъ плоть и духъ неразлучны между собою въ жизни, смерти и въ воскресеніи? Воля есть источникъ всѣхъ нашихъ дурныхъ дѣяній. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть отнесены къ случаю, внезапности или невѣжеству, но всѣ другія происходятъ отъ воли. Корень зла находится въ духѣ... *Одна воля составляетъ преступленіе.* (Твор. его. Перев. Карнѣва. 1847. ч. 2, с. 84).

Итакъ, всякій грѣхъ есть протвѣвленіе истинѣ, выражающееся лишь различнымъ образомъ.

Но всякое состояніе человѣка—будетъ ли оно добрымъ или злымъ—не есть что-либо закопченное, недоступное колебанію или измѣненію даже до противоположности: человѣкъ можетъ всегда перейти изъ одного состоянія въ другое, изъ противника истинны сдѣлаться ея служителемъ. Однако есть ограниченіе въ этомъ положеніи,—ограниченіе, на которое указалъ Христосъ, сказавъ: всякій грѣхъ и хула простится человѣкамъ, а хула на Духа *не простится человѣкамъ* (Мѣ. 12, 31). Но здѣсь, какъ учить св. Церковь, дѣло не въ Божіемъ милосердіи, не въ его отсутствіи, а въ ожесточеніи грѣшниковъ, не принимающихъ его, сознательно отвергающихъ истину, или какъ выражается апостоль, „содержащихъ истину въ неправдѣ“ (Рим. 1, 18)... „Когда люди содержатъ истину въ неправдѣ?—Тогда, когда знаютъ истину, и не исполняютъ, когда жизнь не отвѣчаетъ знанію; одно у нихъ въ умѣ и совѣсти, иногда и на словахъ, а другое въ жизни и дѣлахъ, въ чувствахъ сердца и настроеніяхъ воли. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что должно помнить Бога и благодарить Его, а между тѣмъ кто не помнить и не благодарить Его,—тотъ содержитъ истину въ неправдѣ... Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что не должно развратничать, только ѣсть, пить и веселиться, не помня о смерти, а между тѣмъ такъ живетъ,—тотъ содержитъ истину въ неправдѣ... Сія неправда во сто кратъ увеличивается, когда кто дѣлаетъ неправо въ то самое время, когда умъ и совѣсть претитъ ему и не велитъ того дѣлать. Въ семъ и состоитъ хула на Духа Святого, о которой Господь изрекъ страшное опредѣленіе—непрощеніе ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій“ (Еп. Теофана, толкъ на Римл. 1, 18).

Такимъ образомъ, хулою на Духа Святого называется намѣренное и, слѣдовательно, ожесточенное протвѣвленіе истинѣ, т. е. такой грѣхъ, отъ котораго ожесточенная душа человѣческая не можетъ отрѣшиться, и который уничтожаетъ въ ней самое стремленіе къ правственному совершенству; въ этомъ смыслѣ онъ лишь и называется непрощительнымъ: онъ непрощителенъ, насколько неискоренимъ въ душѣ человѣка. Св. Златоустъ на слова: „всякъ грѣхъ и хула отпустятся человѣкомъ, а яже на Духа хула не отпустится имъ“,